

Композиция «Война и мир»

Ты выдумал меня. Такой на свете нет,
Такой на свете быть не может.
Ни врач не исцелит, не утолит поэт, -
Тень призрака тебя и день и ночь тревожит.
И ты пришел ко мне, как бы звездой ведом,
По осени трагической ступая,
В тот навсегда опустошенный дом,
Откуда унеслась стихов сожженных стая.

Часть Первая. Бал.

Было на этом балу в Москве все, что бывает на всех балах, но все мне казалось в тот вечер особенным: это все увеличивающееся к полуночи нарядное, возбужденное многолюдство, пьянящий шум движения толпы на парадной лестнице, теснота танцующих в двухсветном зале с дробящимися хрусталем люстрами и эти всё покрывающие раскаты духовой музыки, торжествующе гремевшей с хор...

Похолодели лепестки
Раскрытых губ, по-детски влажных –
И зал плывет, плывет в протяжных
Напевах счастья и тоски.
Сиянье люстр и зыбь зеркал
Слились в один мираж хрустальный –
И веет, веет ветер бальный
Теплом душистых опахал.

1 дама: Обратите внимание, графиня, это голландский посланник, видите седой. А вот она, царица Петербурга, графиня Безухова. Говорят, принц без ума от неё. Как хороша! Хороша, умна. Смотрите, как за нею увиваются и старые, и молодые.

2 дама: А это миллионерка- невеста. Вот и жених. Это брат Безуховой- Анатолий Курагин. Как хорош, говорят, женят его на этой богатой.

А это сам французский посол. Всё-таки милы, очень милы эти французы. Нет милее для общества.

3 дама: А ваш-то кузен, Друбецкой Борис, тоже очень увивается. Говорят, миллионы.

Посмотрите, толстый, в очках, фармазон всемирный, Безухов. С женой-то его рядом поставьте: то-то шут гороховый.

4 дама: Вот ещё знакомый, Болконский. По нём теперь все с ума сходят. Терпеть не могу, а гордость такая,

Что границ нет. По папеньке пошёл! Смотрите, как с дамами обращается! Она с ним говорит, а он отвернулся.

Наташа: Неужели так никто не подойдёт ко мне, неужели я не буду танцевать между первыми, неужели меня не заметят все эти мужчины, которые теперь, кажется, и не видят меня, а ежели смотрят на меня, то смотрят с таким выражением, как будто говорят: «А, это не она, так и нечего смотреть!» Нет, этого не может быть! Они должны же знать, как мне хочется танцевать, как я отлично танцую, как им весело будет танцевать со мною.

Пьер: Вы всегда танцуете! Тут есть моя протеза, Ростова молодая, пригласите её.

А.Болконский: Где? Да, на балу надо танцевать. (Идёт к Наташе и её матери)

Мать: Позвольте вас познакомить с моей дочерью!

А.Болконский: Я имею удовольствие быть знакомым, ежели графиня помнит меня. Я прошу у вас тур вальса.

Есть в близости людей заветная черта,
Ее не перейти влюбленности и страсти, -
Пусть в жуткой тишине сливаются уста
И сердце рвется от любви на части.
И дружба здесь бессильна и года
Высокого и огненного счастья,
Когда душа свободна и чужда
Медлительной истоме сладострастья.
Стремящиеся к ней безумны, а ее
Достигшие - поражены тоскою...
Теперь ты понял, отчего мое
Не бьется сердце под твоей рукою.

Наташа: Я бы рада была отдохнуть и посидеть с вами, я устала, но вы же видите, как меня выбирают. И я этому рада, и я счастлива, я всех люблю, и мы с вами всё это понимаем. (Уходит)
А.Болконский: Ежели после танца она подойдет к кухне, а потом к другой даме, то она будет моей женой. Но верно сейчас только то, что она не протанцует здесь месяца и выйдет замуж. Это здесь редкость.

Ты слишком для невинности мила,
И слишком ты любезна, чтоб любить.
Полмиру дать ты счастье б могла,
Но счастливой самой тебе не быть;
Блаженство нам не посылает рок
Вдвойне. - Видала ль быстрый ты поток?
Брега его цветут, тогда как дно
Всегда глубоко, хладно, и темно!

Где, как вобрала в себя из того русского воздуха, которым она дышала, эта графинечка, воспитанная эмигранткой-француженкой, этот дух, откуда взяла она эти приёмы? Но дух и приёмы эти были те самые, неподрожаемые, неизучаемые, русские, которых и ждал от неё дядюшка. Как только она стала, улыбнулась торжественно, гордо и хитро-весело, первый страх, который охватил меня и всех присутствующих, страх, что она не то делает, прошёл, и мы уже любовались ею.
Да, она очень мила! Что-то в ней есть свежее, особенное, не петербургское, отличающее её.

Песня «Белой Акации гроздь душистые»:
Целую ночь соловей нам насвистывал,
Город молчал и молчали дома.
Белой акации гроздь душистые
Ночь напролет нас сводили с ума.
Белой акации гроздь душистые
Ночь напролет нас сводили с ума.

Сад весь умыт был весенними ливнями,
В темных оврагах стояла вода.
Боже! Какими мы были наивными!
Как же мы молоды были тогда!

Наташа, видимо, совсем высунулась в окно, потому что слышно было шуршанье ее платья и даже дыханье. Все затихло и окаменело, как и луна, и ее свет, и тени. Князь Андрей тоже боялся пошевелиться, чтобы не выдать своего невольного присутствия.

— Ну, как можно спать! Да ты посмотри, что за прелесть! Ах, какая прелесть! ... Ведь эдакой прелестной ночи никогда, никогда не бывало. ... Нет, ты посмотри, что за луна!.. Ах, какая прелесть! Ты поди сюда. Душенька, голубушка, поди сюда. Ну, видишь? Так бы вот села на корточки, вот так, подхватила бы себя под коленки — туже, как можно туже, натужиться надо, — и полетела бы. Вот так!

Андрей: Дорогая Наташа, в тот великолепный летний вечер, когда я встретил вас на балу у императора, я понял, что всю жизнь хотел иметь жену, такую же прекрасную, как и вы. Я глядел на вас весь вечер, не отрываясь ни на минуту, всматривался в малейшее движения, пытался заглянуть в каждое, пусть самое маленькое, отверстие вашей души. Я ни на секунду не отводил глаз от вашего великолепного тела. Но увы, все мои усилия, привлечь ваше внимание были безуспешны. Я думаю, что будут лишь пустой тратой времени

все мольбы и обещания с моей стороны. Ибо я знаю, что у меня слишком маленький статус. Достоен вас лишь королевского двора постоянный член. Но все же хочу вас заверить, что вы самое прекрасное существо на свете.

Я никогда, никогда не встречал такой удивительной женщины, сделавшей так много для нашей родины. И лишь ваша преогромнейшая скромность скрывает это. Мой сердце разрывает грудь, заставляя думать о вас!

Наташа, я люблю вас!

Часть Вторая. Война.

Песня «Генералам Войны 1812 года»:

Вы, чьи широкие шинели,
Напоминали паруса,
Чьи шпоры весело звенели,
И голоса.

И чьи глаза, как бриллианты,
На сердце вырезали след -
Очаровательные франты,
Минувших лет.

П. Безухов: Мне смешно, что вы себя считаете неспособным, свою жизнь- испорченную жизнью. У вас всё, всё впереди. Я считаю, что вы в высшей степени соединяете в себе те качества, которых нет у меня. Я всегда удивляюсь вашей способности спокойного обращения со всякого рода людьми, вы всегда так энергичны.

А.Болконский: Ты спросишь: «Почему? Я отвечу. Хочу идти к своей цели, хочу быть свободным и достичь её. Но я связал себя с женщиной, потерял свободу. Гостиные, сплетни, балы- вот заколдованный круг, из которого я не могу выйти. И это глупое общество... Я отправляюсь на войну, на величайшую войну...»

Длинные кудри склонила к земле,
Словно вдова молчаливо.
Вспомнилось, - там, на гранитной скале,

Тоже плакучая ива.

Бедная ива казалась сестрой
Царскому пленнику в клетке,
И улыбался плененный герой,
Глядя пушистые ветки.

День Аустерлица - обман, волшебство,
Легкая пена прилива...
"Помните, там на могиле Его
Тоже плакучая ива.

С раннего детства я - сплю и не сплю -
Вижу гранитные глыбы".
"Любите? Знаете?" - "Знаю! Люблю!"
"С Ним в заточенье пошли бы?"

"За Императора - сердце и кровь,
Все - за святые знамена!"
Так началась роковая любовь
Именем Наполеона.

Отец: Едешь? Спасибо за то, что за бабью юбку не держишься! О жене не заботься: что возможно, то будет сделано.

А.Болконский: Всё исполню, батюшка! Пришёл проститься.

Отец: Помни одно, князь Андрей, коли тебя убьют, мне, старику, больно будет. А коли узнают, что ты повёл себя не как сын Николая Болконского, мне будет стыдно.

А.Болконский: Этого вы могли бы мне не говорить, батюшка. Прощайте!

Друзья! Враги грозят нам боем,
Уж села ближние в огне,
Уж Милорадович пред строем
Летает вихрем на коне.

Идем, идем, друзья, на бой!
Герой! нам смерть сладка с тобой.

Зарделся блеск зари в лазури;
Как миг, исчезла ночи тень!
Гремит предвестник бранной бури,
Мы будем биться целый день.
Идем, идем, друзья, на бой!
Герой! нам смерть сладка с тобой.

Друзья! Не ново нам с зарями
Бесстрашно в жаркий бой ходить,
Стоять весь день богатырями
И кровь врагов, как воду, лить!

Идем, идем, друзья, на бой!
Герой! нам смерть сладка с тобой.

Как в часах результат сложного движения бесчисленных различных колес и блоков есть только медленное и равномерное движение стрелки, указывающей время, так и результатом всех сложных человеческих движений этих ста шестидесяти тысяч русских и французов - всех страстей, желаний, раскаяний, унижений, страданий, порывов гордости, страха, восторга этих людей — был только проигрыш Аустерлицкого сражения, так называемого сражения трех императоров, то есть медленное передвижение всемирно-исторической стрелки на циферблате истории человечества... Сам Наполеон Бонапарт уже на острове Святой Елены, говорил, что в его жизни было всего три прекрасных дня: это победы при Маренго, Аустерлице и Иене: Когда солнце совершенно вышло из тумана и ослепляющим блеском брызнуло по полям и туману (как будто он только ждал этого для начала дела), он снял перчатку с красивой, белой руки, сделал ею знак маршалам и отдал приказание начинать дело...»

Кровию сердца пишу я к тебе эти строки,
Видно, разлуки обоим несносны уроки,
Видно, больному напрасно к свободе стремиться,
Видно, к давно прожитому нельзя воротиться,
Видно, во всём, что питало горячку недуга,
Легче и слаще вблизи упрекать нам друг друга.

Заутра грозный час отмщенья,
Заутра, други, станем в строй,
Не страшно битвы приближенье
Тому, кто дышит лишь войной!..
Заутра грозный час отмщенья,
Заутра, други, станем в строй,
Не страшно битвы приближенье
Тому, кто дышит лишь войной!..

Над ним не было ничего уже, кроме неба, - высокого неба, не ясного, но все-таки неизмеримо высокого, с тихо ползущими по нём серыми облаками. "Как тихо, спокойно и торжественно, совсем не так, как я бежал, - подумал князь Андрей, - не так, как мы бежали, кричали и дрались, совсем не так, как с озлобленными и испуганными лицами тащили друг у друга банник француз и артиллерист, - совсем не так ползут облака по этому высокому бесконечному небу. Как же я не видал прежде этого высокого неба? И как я счастлив, что узнал его наконец. Да! Все пустое, все обман, кроме этого бесконечного неба. Ничего, ничего нет, кроме его. Но и того даже нет, ничего нет, кроме тишины, успокоения. И слава богу!.. .

Песня «Генералам Войны 1812 года»:

Одним ожесточеньем воли
Вы брали сердце и скалу
Цари на каждом бранном поле
И на балу,
И на балу...

Вам все вершины были малы
И мягок самый черствый хлеб
О, молодые генералы,
О, молодые генералы
Своих судеб...

Была пора: наш праздник молодой
Сиял, шумел и розами венчался,
И с песнями бокалов звон мешался,
И тесною сидели мы толпой.
Тогда, душой беспечные невежды,
Мы жили все и легче и смелей,
Мы пили все за здоровье надежды
И юности и всех ее затей.
Теперь не то: разгульный праздник наш
С приходом лет, как мы, перебесился,
Он присмирел, утих, остепенился,
Стал глуше звон его задравных чаш;
Меж нами речь не так игриво льется,
Просторнее, грустнее мы сидим,
И реже смех среди песен раздаётся,
И чаще мы вздыхаем и молчим.
Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас... и племена сразились,
Русь обняла кичливого врага,
И заревом московским озарились
Его полкам готовые снега.

Узнав о том, что раненый Болконский находится совсем рядом, Наташа, уловив момент, поспешила к нему. Как пишет Толстой, «на неё нашёл ужас того, что она увидит». Ей и в голову прийти не могло, какую перемену она встретит во всём князе Андрее; главным для неё в тот момент было просто увидеть его, быть уверенной в том, что он жив...

«Он был такой же, как всегда; но воспалённый цвет его лица, блестящие глаза, устремлённые восторженно на неё, а в особенности нежная детская шея, выступавшая из отложенного воротника рубашки, давали ему особый, невинный, ребяческий вид, которого, однако, она никогда не видела в князе Андрее. Она подошла к нему и быстрым, гибким, молодым движением стала на колени... Он улыбнулся и протянул ей руку...»

- Простите! - сказала она шёпотом, подняв голову и взглядывая на него.

– Простите меня!

- Я вас люблю, - сказал князь Андрей.

- Простите...

- Что простить? – спросил князь Андрей.

- Простите меня за то, что я сделала, - чуть слышным, прерывным шёпотом проговорила Наташа и чаще стала, чуть дотрагиваясь губами, целовать руку.

- Я люблю тебя больше, лучше, чем прежде, - сказал князь Андрей, поднимая рукой её лицо так, чтоб он мог глядеть в её глаза...

Я верю, обещаю верить,
Хоть сам того не испытал,
Что мог монах не лицемерить
И жить, как клятвой обещал;

Что поцелуи и улыбки
Людей коварны не всегда,
Что ближних малые ошибки
Они прощают иногда,
Что время лечит от страданья,
Что мир для счастья сотворен,
Что добродетель не названье
И жизнь поболее, чем сон!..

«Но в то же мгновение, как он умер, он вспомнил, что спит, и в то же мгновение, как он умер, князь Андрей, сделав над собой усилие, проснулся... «Да, это была смерть. Я умер – я проснулся. Да, смерть – пробуждение»

Хорошо вам.
Мертвые сраму не имут.
Злобу
к умершим убийцам туши.
Очистительнейшей влагой вымыт
грех отлетевшей души.

Хорошо вам!
А мне
сквозь строй,
сквозь грохот
как пронести любовь к живому?
Оступлюсь —
и последней любвишки кроха
навек канет в дымный омут.

Что́ им,
вернувшись,
печали ваши,
что́ им
каких-то стихов бахрома?!
Им
на паре б деревяшек
день кое-как прохромать!

Боишься!
Трус!
Убьют!
А так
полсотни лет еще можешь, раб, расти.
Ложь!
Я знаю,
и в лаве атак
я буду первый
в геройстве,
в храбрости.

Часть Третья. Финал.

Похолодели лепестки
Раскрытых губ, по-детски влажных –
И зал плывет, плывет в протяжных
Напевах счастья и тоски.
Сиянье люстр и зыбь зеркал
Слились в один мираж хрустальный –
И веет, веет ветер бальный
Теплом душистых опахал.

Наташа: Ярким огоньком вспыхнуло наше чувство, но затерялось в большом пламени войны. Его чистота и прелесть вдохновили многих художников и поэтов. Поэтому мы- вечны!

Андрей: Пусть пройдут ещё многие годы, мы останемся с вами. В сердцах ваших найдут место имена Наташи и Андрея. Ведь мы не существовали, а жили. Поэтому мы- вечны. Мы счастливы, что своим примером до сих пор вдохновляем вас бороться за счастье и любовь.

Песня «Генералам Войны 1812 года»:

О, как мне кажется могли вы
Рукою полною перстней
И кудри дев ласкать и гривы
Своих коней,
Своих коней...

В одной невероятной скачке
Вы прожили свой краткий век
И ваши кудри, ваши бачки
И ваши кудри, ваши бачки
Засыпал снег...